

УДК 316.334.3

ББК 66.3(0),4

DOI 10.22394/1682-2358-2020-5-57-66

V.A. Podolskiy, *Candidate of Sciences (Politics), Docent of Political Sciences Faculty, State Academic University for the Humanities, Moscow*

COMPARING RUSSIAN AND US SOCIAL POLICY SYSTEMS

A comprehensive comparison of Russian and American social policy systems is drawn. Social policy origins, organization, role of private sector and general efficiency of the systems are compared. Pension system, allowances and benefits, healthcare and education in Russia and the US are matched against each other, as well as their funding and functional features.

Key words and word-combinations: social policy, USA, Russia.

В.А. Подольский, *кандидат политических наук, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (email: deomniscibili@yandex.ru)*

СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И США*

Аннотация. Проводится комплексное сравнение систем социальной политики США и России. Сопоставляются происхождение систем, их организация, роль частного сектора и эффективность. Сравняются пенсионная система, система пособий и льгот, система здравоохранения и система образования в России и США, их финансирование и особенности функционирования.

Ключевые слова и словосочетания: социальная политика, США, Россия.

В настоящее время в академической и политической сферах России ведется дискуссия о том, какие количественные и качественные изменения необходимы в сфере социальной политики. В качестве одного из вариантов модернизации социальной политики в России предлагается передать часть социальных функций от государства бизнесу. Для изучения осо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

бенностей работы системы социальной политики, опирающейся на частные финансы и институты, следует обратиться к американскому опыту.

Интерес к американской социальной политике в советской науке возник в 1970-е и сохранялся в 1980-е, было опубликовано множество трудов с критическим анализом состояния американской социальной политики. В девяностые популярность проблемы значительно снижается. В нулевые и десятые годы опубликован ряд монографий, крупнейшие современные специалисты по американской социальной политике — Л.Ф. Лебедева и В.С. Васильев из Института США и Канады РАН. Хотя сравнению социальной политики США с другими странами Запада посвящено достаточно большое количество работ европейских и американских авторов, до сих пор сопоставление всех элементов социальной политики в США и России не проводилось.

В данном исследовании сравниваются происхождение, организация и эффективность государственной системы социальной политики в России и американской социальной системы, в которой преобладает частный сектор. Сопоставляются пенсионная система, система пособий и льгот, система здравоохранения и система образования. Параллельное изучение социальной политики США и России представляет интерес для выявления сильных и слабых сторон отечественной социальной политики.

В настоящем исследовании социальные расходы рассматриваются как вся совокупность трат из частных и государственных источников на пенсионное обеспечение, пособия, льготы, образование и здравоохранение.

Существуют два основных подхода к финансированию социальной политики: «подход Бисмарка», канцлера Германии, который ввел обязательное пенсионное страхование в 1880-е, и «подход Бевериджа», британского экономиста, чей доклад в 1940-е послужил основанием для создания государственной системы здравоохранения и всеобщего пенсионного обеспечения. Немецкий принцип социального страхования вырос из практик гильдий и торговых городов по защите своих членов и граждан от нужды и несчастных случаев из средств общего фонда, куда члены гильдий делали страховые взносы. Британский принцип социального обеспечения восходит к расширенному прочтению законов о бедных, согласно которым государство должно гарантировать, что никто из жителей страны не будет голодать, а оплата социальных расходов производится из налогов. В США преобладает первый принцип, причем в крайне либеральном прочтении — на государство приходится лишь половина социальных расходов. В России до 1950-х также действовала система Бисмарка, но всеобщее пенсионное обеспечение приблизило отечественную систему к британской, хотя ряд элементов социальной политики реализован в России на основании страхового принципа.

Американская государственность ведет отсчет с 1776 г., но помощь нуждающимся была организована еще в колониальную эпоху. В XVII в. английские законы о бедных появились на континент вместе с прибывшими поселенцами. В основном правила той эпохи предусматривали сбор и предоставление помощи нуждающимся семьям на местном уровне, когда плательщики и получатели были лично знакомы между собой [1, с. 19–24]. Помощь нуждающимся в США предоставлялась также религиозными организациями — сначала протестантскими деноминациями, а с XIX в. и католической церковью, создавались образовательные и медицинские учреждения, многие из них функционируют и по сей день. Благотворительность и сегодня играет в Америке заметную роль, достигая около 2% ВВП [2, с. 21].

В России христианская благотворительность была организована церковью с XI в. У монастырей и храмов нуждающимся предоставлялась еда и деньги, также устраивались богадельни, в которых бедные могли получить медицинские услуги или приют [3, с. 28]. В XIX веке массовым феноменом стали церковно-приходские школы [4, с. 134], при поддержке государства были созданы тысячи благотворительных организаций. Расходы на благотворительность в России в наши дни составляет не более 0,3% ВВП [5, с. 8].

Пенсионная система в России начала формироваться раньше, чем в США: моряки получили право на пенсию еще в начале XVIII в., а в середине столетия это право распространилось на военных и госслужащих [6, с. 21–36]. В конце XVIII столетия в США вводят пособия для потерявших трудоспособность в войне за независимость солдат и пенсии для служащих военно-морского флота [7, с. 63]. При этом государственные законы появились лишь через двадцать лет после распространения практики [1, с. 41].

В XIX в. пенсионная система развивается в обеих странах соизмеримыми темпами. В первые десятилетия право на пенсию получают ветераны войны за независимость в США [7, с. 126], а в России создается первый пенсионный фонд для содержания вдов государственных служащих [6, с. 58]. Во второй половине века в России возникают эмеритальные кассы для государственных органов, в которые сотрудники отчисляли долю от зарплат — выплачиваемые из них пенсии были призваны дополнять государственные пенсии, предоставляемые за счет казны [6, с. 78]. В США первыми получателями пенсий стали полицейские; средства в их фонд поступали из штрафов, денег от продажи арестованного имущества. Некоторые промышленные и транспортные компании Америки стали предоставлять своим сотрудникам пенсии в конце XIX в., а пенсии для госслужащих появились в 1910-е годы на уровне штатов и в 1920-е на уровне федерации [8, с. 84–85].

В России государственные пенсии по инвалидности для рабочих стали появляться в начале XX в., число их получателей было существенно рас-

ширено в первые десятилетия советской власти, а в 1920-е годы введена пенсия по старости [3, с. 94]. В США отдельные штаты предпринимали попытки создать систему пенсионного обеспечения для пожилых и нетрудоспособных граждан еще в 1910-е годы, но на общегосударственном уровне система взносов с зарплат и выплаты пенсий по старости и инвалидности была введена лишь при Ф.Д. Рузвельте в 1935 г. [1, с. 225–230]. Баланс фондов, из которых должны были производиться выплаты пенсионерам, рассчитывался на 75 лет вперед. В самом основании американской системы пенсионного обеспечения заложен принцип долгосрочного планирования, который можно считать одной из наиболее ценных идей, подходящих для рецепции в российской практике [9, с. 24].

В 1970-е годы государство поддержало негосударственные пенсионные фонды с помощью налоговых льгот при покупке ценных бумаг их участниками [10, с. 282]. В этот же период были введены пенсии для малоимущих, финансируемые из налогов, а также задействованы многочисленные пенсионные программы на уровне штатов.

Всеобщее пенсионное обеспечение в России было введено в 1956 г., но колхозники начали получать общегосударственную пенсию лишь через десятилетие [3, с. 80–81].

И Россия, и США сталкиваются с проблемой дефицита пенсионных фондов, при этом в России дефицит острее — выплаты из пенсионного фонда страны превышают поступления страховых взносов на 50–100%; недостающие социальные средства выделяются из бюджета [11, с. 66]. В США наиболее существенный дефицит испытывают частные фонды с установленными выплатами, в которых пенсии превышают взносы на 30% [12, с. 2–3], и фонды штатов, где взносы на 20% меньше, чем пенсии [13, с. 20]. Общая сумма дефицита при этом остается сравнительно незначительной и составляет около 10% от суммы страховых взносов всех программ пенсионного обеспечения.

Пенсионные отчисления граждан и взносы на страховку от безработицы в США в общей сложности составляют около четверти заработной платы, эта сумма обычно делится поровну с работодателем. 12% выплачивается на государственную пенсию, еще около 1% идет на страховку от безработицы, около 11% составляют взносы в частные пенсионные планы и программы штатов [14, с. 4].

В России отчисления в пенсионный фонд составляют 22% от заработных плат, а на социальное страхование направляется еще почти 3% [15, с. 114], то есть итоговая сумма фактически совпадает. Дефицит пенсионного фонда в России обусловлен опережающим ростом пенсионных выплат в последние десятилетия (зарплаты с 2000 по 2018 г. выросли в 16 раз, а пенсии — в 23 раза) [16, с. 157] и разницей в пенсионном возрасте (в США граждане выходят на пенсию в 65 лет с самого начала действия закона о пенсионном страховании).

Государственные пенсии в России составляют около 8%, а частные пенсии не достигают и 0,1% ВВП [16, с. 157–159]. В США выплаты государственных пенсий составляют примерно 5% ВВП [17, с. 407], а негосударственных — 4% [12, с. 2].

Страхование от безработицы появилось в России после революции, но уже через четырнадцать лет страна перешла к режиму всеобщей занятости, и биржи труда были упразднены вплоть до 1991 г. когда пособия по безработице были восстановлены [3, с. 36–48].

В США с 1930-х годов штаты начали создавать страховые программы для решения проблемы безработицы. В 1935 г. была введена федеральная страховка от безработицы, в 1930-е же годы федеральным правительством были организованы общественные работы [1, с. 275–280]. По сей день в стране сосуществуют страховые схемы штатов и федеральная страховка.

В США значительно шире, чем в России распространена практика налоговых льгот. В Америке налоговые кредиты предоставляются семьям с детьми, на заработанный доход при оплате медицинской страховки, при участии в пенсионных схемах. Общая сумма налоговых кредитов в США составляет порядка 3% ВВП [18, с. 20–30]. В России наиболее распространенные налоговые льготы для граждан — имущественные, например, при покупке жилья, но также предоставляются вычеты по лечению, образованию и пенсионным взносам. Их общая сумма существенно уступает объему налоговых кредитов в Америке и составляет порядка 0,2% ВВП [19, с. 103].

И штаты, и регионы обладают большими полномочиями в сфере социальной политики. В России на региональные бюджеты ложится существенная часть расходов на здравоохранение и на льготы, а местные бюджеты платят за образование [16, с. 538]. В США местные бюджеты платят за среднее образование, а на штаты приходится значительная доля расходов на высшее образование. Штаты также тратят в общей сложности более 2% ВВП на различные социальные программы [20].

Все льготы штатов [20] и федерации [21, с. 35–38] обходятся бюджетам в 3% ВВП в США, аналогичную долю валового продукта составляет сумма расходов России на льготы и пособия [16, с. 157]. Наиболее крупные программы в США — талоны на питание и еда для малоимущих женщин и детей, школьные завтраки и обеды (0,5% ВВП), образовательные программы и программы переподготовки (0,5% ВВП), программы субсидий на приобретение жилья и оплату коммунальных услуг (0,1% ВВП) [21, с. 35–38]. В России самые крупные статьи расходов — это семейные и материнские пособия (0,7% ВВП), субсидии оплаты услуг ЖКХ (0,3% ВВП), закупка льготных лекарств (0,1%) [16, с. 159], существенную роль играет также льготный проезд на транспорте.

Земская медицина в России второй половины XIX в. охватывала чрезвычайно незначительную долю населения страны, но сама система, в отличие от американской частной медицины, теоретически предусматривала возможность получения социальных услуг всеми жителями на бесплатной основе. Целостная система здравоохранения в России была создана в первые годы правления большевиков под руководством народного комиссара РСФСР Н.А. Семашко. На момент учреждения советская медицина была передовой с точки зрения организационной архитектуры и номинальной доступности — это была первая в мире всеобщая система бесплатной медицины [22, с. 367–371].

В США благотворительные организации оплачивают медицинские услуги с XVII в., гражданам также гарантирована помощь в экстренных ситуациях. В 1950-е годы была создана государственная программа медицинской страховки для военнослужащих, а в 1965 г., при Линдоне Джонсоне, — «Медикейр» для пожилых и «Медикейд» для малоимущих граждан [1, с. 313–327]. Система здравоохранения чрезвычайно раздроблена с организационной точки зрения; например, государственная программа «Медикейр» объединяет четыре программы — стационарного, амбулаторного лечения, лекарственного обеспечения и частные страховые программы. Потребители программы «Медикейд» сталкиваются с завышенными ценами и отказами в обслуживании, поскольку страховка для малоимущих предполагает сравнительно низкие выплаты для медицинских учреждений [23 с. 153]. Если в России вероятность банкротства семьи из-за медицинских расходов невелика, то в США 60% личных банкротств связано с оплатой счетов за лечение [23, с. 308].

Величина взносов на обязательное медицинское страхование в России составляет 5% от заработной платы [15, с. 114]. В США отчисления граждан и работодателей на «Медикейр» с заработной платы составляют 3%, но подпрограммы требуют дополнительных платежей от граждан [23, с. 110–112]. Взносы граждан в ОМС обеспечивают до половины всех социальных расходов на здравоохранение в стране [24, с. 342], а на «Медикейр» приходится лишь 1/5. Программа медицинского страхования для нуждающихся граждан «Медикейд» финансируется из бюджетов федерации и штатов и стоит приблизительно столько же, сколько и программа «Медикейр» [17, с. 407].

Расходы на здравоохранение в США втрое выше, чем в России, и составляют 18% ВВП (9,5% — частные, 8,5% — государственные) [25, с. 12] против 5% (1,5% — частные, 3,5% — государственные) [24, с. 339]. При этом эффективность системы опережает российскую на треть при измерении по такому показателю, как «бремя болезней», то есть годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности, — 42 против 30 тысяч на 100 тысяч [26].

Становление системы образования США произошло раньше, чем в России. Первые бесплатные школы в Америке появились еще в середине XVII в., а в 1850-е годы бесплатное государственное образование стало законом [4, с. 129]. В России полноценная система школьного образования была создана только после Октябрьской революции, а первые государственные школы появились в 1780-е годы под эгидой приказов общественного призрения [3, с. 33].

Расходы на среднее образование в США несколько выше, чем в России: 4% ВВП тратится на школы в США (0,5% из них — частные) [27, с. 112—1119], порядка 2,5% — в России [28, с. 11]. Согласно рейтингу Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся Организации экономического сотрудничества и развития США опережает Россию на 3% по среднему рейтингу. Лидеру рейтинга, Китаю, США уступает примерно на 15% [29, с. 16—17].

Высшие учебные заведения в США стали появляться в XVII в., раньше, чем в России: Гарвард был учрежден в 1636 г. [4, с. 104], а Славяно-Греко-Латинская академия — в 1687 г. [4, с. 80—81]. Образование в высших учебных заведениях в России было преимущественно платным вплоть до 1950-х годов, но в первые десятилетия советской власти плата оставалась сравнительно низкой и составляла около одной месячной зарплаты за год обучения [30]. Сегодня в России 2/3 студентов обучаются за счет бюджета [16, с. 201], в США треть студентов получают федеральные гранты для оплаты части стоимости образования [27, с. 187].

Высшее и среднее профессиональное образование получают в США гораздо больше ресурсов, чем в России: 3% (1% из них — частные) [27, с. 174—179] против 1% ВВП (частные — 0,2%) [28, с. 11]. Результаты США гораздо выше — 40% университетов в топ-100 высших учебных заведений рейтинга Times — это американские университеты, российские университеты в топ-100 не входят, МГУ имени М.В. Ломоносова в 2019 г. занял 199-е место [31, с. 18—19]. Для США характерна не встречающаяся в России и Европе проблема, а именно большие суммы студенческого долга, связанные с высокой стоимостью обучения, соизмеримой с годовой заработной платой [32].

Система дошкольного образования в России получает примерно столько же средств, как и в США [27, с. 15—18]: расходы составляют около 0,6% ВВП (в России частные — 0,2%, в США — 0,3%) [28, с. 11]. Доля детей в детских садах соизмерима и составляет примерно 2/3 от общей численности детей [16, с. 87].

Сравнение важнейших элементов социальной политики в России и в США позволяет сделать ряд выводов о ключевых особенностях систем, логике их организации и общей эффективности. Исторический обзор свидетельствует, что, хотя системы формировались сопоставимыми темпами, американская и российская системы образования кардинально различа-

ются по своему происхождению, роли государства, организации. В США локальные инициативы становились федеральными практиками. Местные власти не справлялись с расходами на социальную политику и запрашивали помощь у властей штатов, затем у центральных властей [1, с. 88]. Социальная политика эволюционировала из программ частных корпораций, местных сообществ, а также предприятий и энтузиастов в сфере благотворительности, а государство со временем вводило регулирование для соблюдения участниками рынка правил игры. Мера доступных благ определялась условиями контракта с работодателем.

В России система была создана церковью, распоряжениями монархов и постановлениями Совета народных комиссаров. Инициатива принадлежала столице, а региональные полномочия появились лишь на поздних этапах становления системы. В Российской империи и в первые десятилетия советской власти предоставление помощи зависело от принадлежности к организации. У предприятий существовали свои больничные кассы и медучреждения, страховые, пенсионные фонды, в советские годы — свои образовательные, медицинские, спортивные и культурные учреждения. Фонды были объединены еще в самом начале существования СССР, а медицинские учреждения стали переходить с производственного на территориальный принцип обслуживания в 1940-е годы; переподчинение детских садов и школ муниципалитетам началось лишь после распада СССР [33, с. 21]. Россия постепенно перешла к британской, всеобщей модели.

Страховые взносы граждан в США обеспечивают финансирование 90% пенсионной системы и 4/5 системы здравоохранения. Из федерального и региональных бюджетов оплачиваются программы с проверкой на нуждаемость, в первую очередь это предоставление талонов на еду и оплата образования. Доступность благ увеличивают налоговые льготы. В России взносы граждан обеспечивают до половины финансирования системы здравоохранения и пенсионной системы. Из федерального и региональных бюджетов выплачиваются семейные пособия, субсидируется ЖКХ и транспорт. Доступность благ увеличивают пособия и бесплатные услуги.

Сопоставление двух систем позволяет выявить ряд важных уязвимостей отечественной социальной политики. Во-первых, это проблема наполнения пенсионного и медицинского фондов. Из-за того, что Россия фактически использует систему социального обеспечения по Бевериджу, опираясь на структуры, выстроенные в страховой логике Бисмарка, страховых взносов не хватает, и недостающие средства выплачиваются в фонды напрямую из бюджетов. США удается избежать дефицита фондов благодаря индексации взносов. Во-вторых, это возраст получения доступа к социальным благам, который изначально снижал нагрузку на фонды: и пенсии, и государственная медицинская страховка «Медикейр» предо-

ставляются гражданам США с 65 лет. В-третьих, это качество здравоохранения и образования: фактор конкуренции за клиента, побуждающий американские вузы улучшать уровень образования, а учреждения здравоохранения обновлять оборудование, в России присутствует в значительно меньшей мере.

Стоимость российской системы, измеренной как доли от внутреннего валового продукта, почти вдвое ниже, чем американской (около 20 и 35% ВВП соответственно); при этом относительная доступность социальных благ в России выше. Во всех странах во все времена смысл социальной политики состоит в том, чтобы обеспечить устойчивость государства, гарантировав населению страны прожиточный минимум, адекватный для данной эпохи и территории. Следовательно, можно утверждать, что по общей эффективности российская система опережает американскую, а привлечение частного сектора в сферы, где возможности для извлечения прибыли заведомо ограничены или отсутствуют, оказывается менее выгодным.

Библиографический список

1. *Trattner W.I.* From poor law to welfare state: a history of social welfare in America. 5th ed. N.Y.: The Free Press, 1994.
2. Giving USA 2019: The Annual Report on Philanthropy for the Year 2018. Indianapolis: Lilly family school of philanthropy, 2019.
3. *Лушиникова М.В., Лушиников А.М.* Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М., 2009.
4. *Джурицкий А.Н.* История образования и педагогической мысли: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.
5. *Шпак А.В.* [и др.]. Российский филантроп: важность личного доверия к исполнителям и ожидание конкретных результатов. М., 2018.
6. *Гусаков Д.Б.* Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
7. *Clark R.L., Craig L.A., Wilson W.J.* A History of Public Sector Pensions in the United States. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003.
8. *Hewitt W.H.* Lateral Entry and Transferability of Retirement Credits. Washington: President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice, 1967.
9. *Васильев В.С.* США: опыт социальной политики и уроки для России. М., 2007.
10. *The Oxford Handbook of U.S. social policy / ed. by D. Beland, C. Howard, K.J. Morgan.* N.Y.: Oxford University Press, 2015.
11. *Седова М.Л.* Сбалансированность бюджета пенсионного фонда России и проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы // Известия СПбГЭУ. 2018. № 5 (113). С. 64–70.
12. Private Pension Plan Bulletin, September 2019. Washington: Employee Benefits Security Administration, United States Department of Labor.
13. The State Pension Funding Gap: 2017 // The PEW Charitable trusts. June 2019.

14. *Martin P.P., Weaver D.A.* Social Security: A Program and Policy History // Social Security Bulletin. 2005. Vol. 66, No. 1. P. 1–15.
15. *Филипповская О.В.* Эволюция страховых взносов государственных внебюджетных фондов России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 3 (13). С. 112–116.
16. Российский статистический ежегодник, 2019. М., 2019.
17. *Лебедева Л.Ф.* Перспективы финансирования социальных программ в США // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2018. Т. 11, вып. 4. С. 401–414.
18. Estimate of Federal Tax Expenditures for Fiscal Years 2019–2023. Washington: Joint Committee on Taxation, December 2019.
19. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность: научный доклад / под ред. В. Назарова, А. Пошарац. М., 2017.
20. Annual Survey of State and Local Government Finances. Suitland: United States Census Bureau, 2020.
21. *Rector R., Menon V.* Understanding the Hidden \$1.1 Trillion Welfare System and How to Reform It // Backgrounder. 2018. April 5, No. 3294. The Heritage Foundation.
22. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / гл. ред. Б.В. Петровский. М., 1978. Т. 8.
23. *Rice T., Rosenau P., Unruh L.Y., Barnes A.J., Saltman R.B., van Ginneken E.* United States of America: Health system review. Health Systems in Transition, 2013; 15(3) – European observer on health systems and policies.
24. *Перхов В.И., Люцко В.В.* Макроэкономические расходы на здравоохранение в России и за рубежом // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 2. С. 334–344.
25. *Hartman M., Martin A.B., Benson J., Catlin A.* National Health Care Spending In 2018: Growth Driven By Accelerations In Medicare And Private Insurance Spending // Health Affairs. 2020. Vol. 39, No. 1. P. 8–17.
26. Global, regional, and national disability-adjusted life-years (DALYs) for 359 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE) for 195 countries and territories, 1990–2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017 // The Lancet. 2018. 8 Nov.
27. *Hussar B.* [et al.]. The Condition of Education 2020 (NCES 2020-144). Washington: U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics, 2020.
28. *Клячко Т.Л., Токарева Г.С.* Прогнозирование потребности в бюджетных средствах при реализации реформ в системе образования: научный доклад. М., 2017.
29. PISA 2018 Results. Combined executive summaries volume I, II & III. Paris: OECD, 2018.
30. *Кораблёва Г.В.* Реализация принципов доступности и бесплатности образования в советском государстве (1917–1991 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6(2). С. 341–345.
31. The World University Rankings // Times Higher Education. July 2019.
32. *Cadaret M.C., Bennett S.R.* College Students' Reported Financial Stress and Its Relationship to Psychological Distress // Journal of College Counseling. October 2019. Vol. 22. P. 225–239.
33. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2008.